

Камс. правда. - 1991. - 27 апр.

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Игорь ТАЛЬКОВ: ТОЛЬКО ЛЮБОВЬ ПОСТАВИТ МЕНЯ НА КОЛЕНИ

Шел один из концертов конкурса «Ялта-91». Начинающие мальчики и девочки пели о неразделенной любви, небе, цветах и кабаре, отчаянно пытаясь попасть в финал.

Зрителей в зале не было. Они околачивались в холлах, курили в туалетах и ругались. Потому что в концертных афишах о конкурсе говорилось вскользь. Крупными буквами было набрано имя Талькова, и зрители шли услышать его. Организаторы конкурса, чтобы не прогореть окончательно, явно пытались выплыть на имени Талькова.

— Игорь, часто спекулируют вашим именем?

— Постоянно. Сейчас я был вынужден согласиться с этим, потому что эфиром не избалован.

— Последнее время вас часто обвиняют в конъюнктуре.

— Какую цель преследует человек, который занимается конъюнктурой? Достичь успеха, стать знаменитым, богатым, красиво жить. Так вот успеха я достиг с песней «Чистые пруды».

После «Чистых прудов» я мог стать популярнейшим шансонье и петь только лирику. Но после этой песни я отказался от всех эфиров. Я начал петь то, что писал пятнадцать последних лет. Это социальные песни.

«Россию» с большим трудом пробил Молчанов в «До и после полуночи». Он сказал, что сильно рискует, но песня ему понравилась. Кто знал, что у него получится... Иначе я бы мог еще хоть десять лет ездить по стране. Вот и вся конъюнктура.

— Где вы начинали?

— В Туле, в группе «Белое и дум». В ресторанах много приходилось работать. Я больше ничего не умею делать, только музыкой заниматься. А худсоветы меня не выпускали...

— Вы поете в надежде что-то изменить?

— Я не думаю об этом, это из меня выпирает. Приходит вдохновение, и я пишу. «Россию» написал за два часа, ранним утром, в совершенно

неожиданной ситуации. Если бы даже никому это не нравилось, я все равно продолжал бы тем же самым заниматься: это моя жизнь.

— Что для вас означает Россия?

— Отечество. Здесь мои корни, здесь мои предки. Я привязан к этой земле. И ничто не спасает от головных болей по этому поводу.

— Значит, крест для вас — не имидж?

— Зрителя-то не обманешь. Что бы ты на себя ни нацепил, что бы ни пел, тебе просто не поверят, если внутри у тебя ничего нет. Душу не купить никакими крестами и никакими молитвами на сцене.

— А пустоты на сцене откуда так много?

— Наши все беды, начиная от нехватки колбасы и заканчивая пустотой на сцене, абсолютно все оттого, что в семнадцатом году колесо истории начало вращаться в обратную сторону. Это было начало конца. И дойдем ли мы до конца или сумеем вырулить — одному Богу известно.

— Фатально звучит...

— Не знаю. Но все-таки я склонен думать, что человек способен изменить свою судьбу, если он наделен достаточной волей.

— Вы читаете газеты?

— Нет, только не думайте, что плохо отношусь к журналистам. Газеты же не читаю

потому, что все, касающееся истории, черпаю из других источников. Все, что сейчас происходит, это разборка следствия, а не причины.

— Как человеку, знающему нашу историю, какая Россия вам больше всего по душе?

— Расцвет — это правление Екатерины II. Екатерина дала толчок к конституционной монархии, которая и должна была установиться, если бы не убили Александра II.

— Что вас сможет сломать, поставить на колени?

— Я достаточно много прошел и умирал даже. Я не знаю, какие могут быть в жизни еще испытания. Ставила меня на колени и заставляла плакать только любовь.

— О чем просите Бога?

— Я молю, чтобы Бог придал мне силы в борьбе со злом. Чтобы восторжествовала в конце концов на земле правда. Я молюсь за Россию, возрожденную и вставшую на колени. За нищих и больных.

— Что вы ненавидите больше всего?

— Ложь.

— Вы забрали своего сына из школы. Чему его будут учить домашние учителя?

— Главное, что его не будут обманывать. Эта ложь неприкрыта и нагла. Знаете, меня очень поразила иллюстрация в учебнике литературы: Александр Невский со своей ратью под красным флагом.

Ребенок невинен, и душа у него чистая. Когда ему говорят: вот черное, он верит. Только потом, если дает ему Бог, он прозревает и начинает сам разбираться в черном и белом. Но это очень больно — прозревать. Я хочу, чтобы мой ребенок всегда белое видел белым, а черное черным.

— Если здесь все кончится, тогда что?

— Пойду в таксисты, буду петь для друзей, выпускать альбомы на подпольных студиях. Тем более что опыт уже есть. И в таксисты я уже уходил однажды, в восемьдесят пятом, когда отчаялся. Но я ж тогда не знал, что что-то еще будет...

С. БЕРЕСТОВ.